УДК 32:316.423

МАРОККО: РЕФОРМИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СДВИГА
В. В. Желтов, М. В. Желтов

MOROCCO: A REFORM AS A WAY TO OVERCOME REVOLUTIONARY SHIFT
V. V. Zheltov, M. V. Zheltov

Мир ислама переживает очень сложный период своей истории, политическим выражением которого в последние годы стала Арабская весна. Взрыв протестных движений в последние 4 – 5 лет не обошел большинство стран арабского мира. Однако Марокко сумело избежать революции. Сказалась гибкая и умелая политика монарха и его двора по преодолению политического кризиса. Свою роль сыграло принятие новой конституции, а также меры по усилению государства и взаимодействия властей с политическими партиями страны.

Islamic world is going through a very difficult period in its history, the political expression of which in the recent years has become the Arab Spring. The explosion of protest movements in the last 4 - 5 years did not pass most of the Arab world. However, Morocco has managed to avoid a revolution. A flexible and skillful policy of the monarch and his court made it possible to overcome the political crisis. The significant role played by the adoption of a new constitution, as well as measures to strengthen cooperation between the authorities of the state and political parties of the country.

Ключевые слова: Арабская весна, революция, исламизм, партия, конституция, протест социальный, политическое поле, выборы, парламент.

Keywords: Arab Spring, Islamism, the party, constitution, social protest, political field, elections, parliament.

К началу 2011 г. в Марокко сложились многочисленные предпосылки для, казалось бы, неизбежного революционного взрыва, как это произошло в ряде других арабских стран вслед за жасминовой революцией в Тунисе. (Переворот 14 января 2011 года (Вторая Жасминовая революция), в результате которого был свергнут президент Зин эль-Абидин Бен Али, в западных СМИ стали называть Жасминовой революцией согласно номенклатуре «цветных революций». «Жасминовая революция» – местное название от символа этой страны – цветка жасмина). Об этом свидетельствовали социально-экономические показатели развития страны, в соответствии с которыми Марокко сталкивалось на протяжении ряда десятилетий с немалыми проблемами. Фактом является то, что в арабском мире эта страна занимает далеко не передовые позиции. Марокко, по обобщенным социально-экономическим показателям развития, опережает только три мусульманских страны – Судан, Йемен и Мавританию.

Сложности социально-экономического развития

Одной из трудноразрешимых пока проблем Марокко, как, впрочем, и ряда других арабских стран, является демографическая проблема. Речь идет о том, что за последние пять десятилетий в Марокко произошел, что называется, взрывной рост численности населения. Марокко в итоге демографического взрыва стало страной молодежи: 56 % населения составляют молодые люди в возрасте до 30 лет. Это привело к образованию так называемого «молодежного бугра» [1]. Сказались, с одной стороны, улучшение условия жизни большинства населения страны, что объективно произошло во второй половине прошлого столетия, а с другой – внедрение вакцинаций и улучшение медицинского обслуживания марокканцев. Это получило свое выражение, в частности, в том, что за полвека кратно (примерно в 5 раз!) сократилась детская смертность и одновременно

резко увеличилась средняя продолжительность жизни – с 42 лет в 1960-х гг. до 74,8 года в наши дни.

Другой проблемой социально-экономического развития Марокко является безработица. Официальная безработица составляет около 10 процентов от экономически активного населения. Этот показатель – не самый высокий среди стран арабского мира. Правда, особое беспокойство властей не может не вызывать вопрос безработицы среди выпускников университетов. Она составляет 25 %. Не удивительно, что именно лица с высшим образованием из числа марокканцев наиболее склонны к участию в протестных действиях.

Нельзя не сказать и о проблеме бедности в Марокко. Она (бедность) аналитиками характеризуется как умеренная, которая определяется долей населения, живущего менее чем на 2 доллара в день. Эта категория населения очень чувствительна к колебаниям цен на топливо и продукты питания. Любое повышение цен приводит к тому, что широкие массы населения переходят в категорию крайне бедных (крайне бедные составляют до 15 % населения стран). Следствием этого может быть рост социального недовольства.

Можно привести и другие данные, свидетельствующие о непростой социально-экономической ситуации большинства населения в Марокко: более половины горожан (54 %) передвигаются пешком и лишь четверть марокканцев (28 %) могут позволить себе автобус или такси, а собственные автомобили есть только у 14,5 % населения.

Несмотря на запущенную в 2005 году государственную программу «Город без бидонвелей» (трущоб), 125 тыс. официально зарегистрированных семей остаются в бараках. Перспективы решения этой проблемы пока весьма призрачны. Только в 2011 г. место переселенных в муниципальные дома жителей трущоб заняли 75 тыс. буквально спустившихся с гор новых сквоттеров (сквоттер (англ. squat – селиться самостоя-

тельно на чужой земле) – вселившийся незаконно в незанятый дом; поселившийся неправомочно на незанятую землю), требующих теперь реализации их права на жилые [5].

Как и во многих других арабских странах, в Марокко остро стоит вопрос социального неравенства. Так, уровень экономического неравенства (индекс Джини) в Марокко равен 40 и находится на одной линии с Тунисом и США и ниже, чем в нашей стране. Парадоксально, что индекс Джини в Египте, где Арабская весна получила бурное развитие, заметно ниже, чем в Марокко. В Йемене и Сирии, где конфликты дошли до острой фазы, индекс Джини был также ниже марокканского [6]. (Индекс Джини – статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку. Наиболее часто в современных экономических расчётах в качестве изучаемого признака берётся уровень годового дохода. Индекс Джини является макроэкономическим показателем, характеризующим дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны).

Весьма чувствительна для Марокко и этническая проблема. Так называемое этническое меньшинство – берберы – составляют едва ли не большую часть населения. (Берберы – общее название принявших ислам в VI в. коренных жителей северной Африки от Египта на востоке до Атлантического океана на западе и от Судана на юге до Средиземного моря на севере). На протяжении десятилетий, в частности, в эпоху правления Хасана II (Хасан II (1929 – 1999) король Марокко с 3 марта 1961 года до своей смерти. Отец пяти детей, в том числе нынешнего короля Мохаммеда VI), власти вели борьбу с ростом берберского самосознания, не признавали берберский язык и дискриминировали представителей меньшинства по национальному признаку. (Берберский язык тамазит объединяет три группы языков, на которых говорит население северной, центральной и южной частей Марокко: тарифит, тамазит и ташельхит).

Между тем в Марокко проблема языка является чрезвычайно важной. Как сообщал марокканский еженедельник «TelQuel», согласно результатам исследования, проведенного Королевским комиссариатом планирования в 2004 г., берберские языки в повседневной жизни используют 28 % населения страны, при этом 21 % – в городах и 34 % – в сельской местности. Между тем в 1950-х гг. на них говорили 80 – 85 % жителей Марокко [14]. ЮНЕСКО признал тамазит языком, который находится под угрозой исчезновения после 2050 г. [13].

Протестные выступления в Марокко

Протестные действия и манифестации получили распространение в Марокко начиная с XIX в. Однако марокканские протесты, особенно в годы правления Хасана II, когда они жестко подавлялись, обрели черты, которые отличали массовые действия в Марокко от протестов в других странах, по крайней мере, двумя моментами – своим содержанием и организацией.

Прежде всего, протестные действия в Марокко, вплоть до самого последнего времени, отличаются тем, что они, за редким исключением, не связаны с выдви-

жением политических требований. Требования марокканских сил протеста носят все последние годы социально-экономический характер. Они направлены на улучшение условий жизни, совершенствование работы публичных служб (здравоохранение, образование, транспорт), повышение заработной платы и создание новых рабочих мест и т. д.

Во-вторых, организаторами социальных протестов в Марокко, как и во многих других странах, до самого недавнего времени выступали профсоюзы, политические партии и организации по защите прав человека. Однако в 2000-е гг., в силу утраты доверия к политическим партиям со стороны значительной части населения страны, инициатива по организации протестных действий переходит к деполитизированным автономным структурам [7, p. 67 – 68].

Как отмечает профессор политологии университета Хасана I в г. Сеттате, Абдельджаббар Арраш, трудности повседневной жизни и накопившие в марокканском обществе проблемы нацеливают общественное мнение страны на выражение недовольства и в отношении проводимой в стране политики [7, p. 69].

Такая постановка вопроса получила свое подтверждение в ходе событий, последовавших в Марокко после начала Арабской весны. Уже в начале февраля 2011 г. группа молодых марокканцев призвала своих соотечественников через социальную сеть Facebook выйти 20 февраля на «мирную манифестацию» с требованиями проведения «широкой политической реформы».

Несмотря на противодействие властей, запугивание активистов и аресты некоторых из них, 20 февраля 2011 г. тысячи марокканцев в ряде городов страны вышли на улицы с лозунгами «Народ хочет перемен», «Долой коррупцию», а также с призывами ограничить прерогативы монарха. Большинство шествий были мирными. Тем не менее в ряде городов не обошлось без столкновений с полицией.

Данные манифестации положили начало возникновению массового протестного движения, получившего широкую известность, в том числе и за пределами страны, под названием «М 20» – Движение 20 февраля (Mouvement du 20 février). Это движение, как отмечали С. Смауи и М. Вазиф, сразу же «стало выразителем «демократических» надежд «марокканского народа», призывая его встать на путь, проложенный народами Туниса и Египта» [12, p. 95].

До возникновения «М 20» в Марокко не существовало относительно стабильных социальных и народных движений, которые соединяли бы конкретные социальные и демократические требования с более глобальными задачами на политическом уровне. Отсутствие реального опыта контактов и взаимодействий на протяжении двух десятилетий с различными социальными секторами, а также отсутствие широкого политического движения в стране, затрудняло проведение мобилизации общества на достижение политических целей и требований.

И тем не менее в начале 2011 г. под влиянием Арабской весны, уже заявившей о себе к тому времени в Тунисе и Египте, ситуация в Марокко стала меняться. Вслед за движением «М 20», с требованием «срочных демократических изменений» выступила одна самых влиятельных исламистских организаций Марокко –

Справедливость и благочестие. По оценкам властей, она насчитывает до 40 тыс. активистов, а ее лидеры утверждают, что пользуются поддержкой 200 тыс. марокканцев.

Думается, не без влияния Арабской весны, дочь лидера Справедливости и благочестия А. Яссина – Надия Яссин – заявила, что эта организация отказывается от идеи установления в Марокко исламского государства. Свообразным вызовом исламизму прозвучало ее заявление: «Можно сказать определенно точно, что движение Справедливость и благочестие не призывает к созданию исламского государства. Оно считает более приемлемым гражданское государство... Мы заявляем об этом со всей ясностью впервые, поскольку существующий контекст и, в частности, подъем Движения 20 февраля, потребовал этого» [6, с. 239].

Реакция властей последовала незамедлительно. Уже 21 февраля 2011 года король Мохаммед VI выступил с заявлением о своей «приверженности делу продолжения структурных реформ». Он подчеркнул, что его высшая цель – «обеспечение условий для достойной жизни всех марокканцев, особенно малоимущих, а также реализация всеобъемлющего развития, позволяющего создать продуктивные рабочие места для молодежи».

Двор не стал дожидаться усиления низовых волнений, которые начались на фоне событий в Тунисе и Египте, и сработал на опережение ситуации. Силового давления на манифестантов не было, за исключением явных провокаций со стороны митингующих [3, с. 163 – 164].

9 марта 2011 г. Мохаммед VI объявил о проведении демократических реформ, в частности, о расширении полномочий премьер-министра и индивидуальных свобод. Король Марокко в обращении к нации заявил со всей определенностью: «Мы решили предпринять глобальную конституционную реформу», подчеркнув при этом свое «твердое намерение придать сильный импульс динамике глубокого реформаторства» [2]. В подтверждение этого в своем обращении к нации марокканский монарх объявил о решении провести референдум по принятию проекта новой Конституции.

Несмотря на заявления монарха, народное движение нарастало. 20 марта 2011 г. в столице Марокко и в ряде городов страны вновь состоялись массовые манифестации. Причем они носили ярко выраженный политический характер. Манифестации проходили под лозунгами «Марокканцы требуют изменений», «Правительство – в отставку!». По официальным данным в акциях протеста приняли участие до 35 тыс. человек.

Требования манифестантов не остались незамеченными властями. 27 апреля 2011 г. марокканские власти предприняли шаг, направленный на ослабление социальной базы протестного движения. В Рабате было объявлено об увеличении с 1 мая «чистых» зарплат чиновников на 600 дирхамов (50 евро). Эта мера больше всего затронула многотысячную армию мелких чиновников, получающих около 200 евро в месяц. Кроме того, правительство и профобъединения договорились об увеличении минимального размера пенсии отставных чиновников с 600 до 1000 дирхамов (около 90 евро).

Параллельно правительством Марокко были приняты и социально значимые меры по поддержанию относительно низких цен на продукты первой необхо-

димости – хлеб, молоко, сахар и растительное масло, а также на природный газ [5]. Излишне, видимо, говорить о том, что эти меры отвечали интересам большинства населения страны, что в значительной мере снижало остроту противостояния населения и власти.

Новый всплеск политической активности в Марокко был связан с назначением королем даты референдума по принятию новой конституции. Во второй половине июня 2011 г. в Марокко развернулась острая политическая борьба. Движение «М 20» и его союзники проект конституции подвергли острой критике, подчеркивая «косметический» характер изменений в Основном законе страны. Не удивительно, что на митинге 26 июня 2011 г. скандировались лозунги «Нет – конституции, сделанной для рабов!», «Мы отвергаем конституцию, сделанную махзеном», «Мы не будем голосовать за эту конституцию!».

Данный митинг по числу участников в нем оказался не столь многочисленным, как прежние акции протеста. К тому же митингующие натолкнулись на решительное противодействие властей. Сказалось и то, что власти Марокко вели в эти июньские дни весьма активную кампанию по подготовке к референдуму. Повсеместно были организованы шествия под лозунгом «Да – новой конституции!». Показательно, что 26 июня 2011 г. исламисты при активном содействии властей вывели в столице 300000 своих сторонников в знак поддержки проекта конституции и в качестве наглядной демонстрации масштабов влияния в обществе исламистов прокоролевской ориентации. Усиленному психологическому давлению подвергались участники движения 20 февраля. Власти не останавливались и перед подкупом большого числа людей. Велись профилактические беседы. Как покажут результаты референдума, это принесло королевской власти вполне ощутимые результаты.

Принятие конституции как победа монархии

2 июля 2011 года на референдум был вынесен проект новой конституции Марокко. В референдуме приняло участие от 57 до 63 % избирателей (по разным регионам), что продемонстрировало несомненный интерес, проявленный марокканцами к реформам [6, с. 164], так как на предыдущих парламентских выборах 2007 г. явка составляла 37 %. 98,94 % марокканцев, принявших участие в референдуме, высказались «за». Можно утверждать, что королевский двор переиграл протестную часть населения [3, с. 254].

Основные изменения по сравнению с прошлой конституцией: теперь король назначает премьер-министра, выдвинутого от партии, победившей на выборах; зафиксировано расширение полномочий правительства и парламента, прав регионов, независимость судов. Право роспуска парламента и назначения министров переходит от короля к премьер-министру. Но при этом король остался главнокомандующим вооруженными силами, а также официально провозглашен «высшим религиозным авторитетом» страны. За королем осталось назначение губернаторов, послов, руководителей армии и служб безопасности.

Конституция впервые закрепляет в стране «свободу вероисповедания». Тем не менее простое перечисление основных прерогатив короля, которыми он теперь обладает по новой конституции, показывает, что так на-

зывается конституционная реформа не изменила абсолютистского характера монархии. Даже новая редакция статьи 46 не повлияла на статус монарха – если раньше характер личности короля определялся в ней как «священный», то теперь в конституции записано, что «целостность личности короля не может быть нарушена».

Таким образом, не оправдались ожидания тех, кто полагал, что в ответ на массовое протестное движение, возникшее в Марокко на фоне революций в других арабских странах, Мохаммед VI сделает хотя бы шаг в сторону реальной конституционной монархии. Действительно новым в конституции стало то, что отныне берберский язык – тамазит – стал официальным языком Марокко наравне с арабским (Марокко стало второй после Ирака страной в арабском мире, где помимо арабского допущен второй государственный язык – в Ираке это курдский, а в Марокко – берберское наречие тамазит). Этот факт нейтрализовал значительную часть протестного движения – сторонников берберской идентичности марокканцев и равноправия языков. В условиях Арабской весны это привело к выводу берберской составляющей из протестного движения, что существенно его ослабило [6, с. 254 – 255].

В условиях нарастающего влияния Арабской весны у власти в Марокко был выбор: либо попытаться подавить антиправительственное протестное движение, либо расколоть это движение, привлекая на свою сторону те или иные его части посредством проведения определенных преобразований. Власть, как известно, избрала второй путь, для реализации которого в стране существовали определенные политические предпосылки. Марокканская монархия смогла навязать обществу проведение реформ сверху, по инициативе властей. И это позволило избежать революционного взрыва в стране.

«Восстановление авторитета государства»

Успеху властей в Марокко в проведении политики накануне и в период Арабской весны содействовал ряд факторов. Прежде всего, следует сказать о специфической форме марокканской монархии. Нынешний король Марокко Мухаммед VI является «Повелителем правоверных». Этим религиозным и политическим одновременно титулом еще в Средние века наделялись мусульманские суверены. Нынешний король Марокко носит этот титул как выходец из алауитской династии, которая претендует на то, что она по происхождению восходит к Пророку Мухаммеду. Эта династия правит в стране с 1664 г.

В своем правлении король опирается не столько на поддержку армии верующих, сколько на то, что получило в Марокко название «махзен». Впервые данная властная структура была создана Мулаем Исмаилом (Мулай Абу-уль Насир Исмаил ас-Самин ибн Рашид (1645 – 1727) – второй правитель Марокко династии Алауитов, правил с 1672 по 1727 гг.).

Махзен – это централизованная власть, контролирующая территория, в частности, в вопросах сбора налогов. В настоящее время махзен представляет собой специфический марокканский этатический аппарат. Центральным звеном махзена являются вспомогательные силы, которые объединяют 45 тыс. человек. Эти силы находятся в подчинении министра внутренних дел, но в то же время имеют свое собственное руководство.

Махзен представлен тремя географическими зонами:

- зона Севера, протянувшаяся от Рабата до Уджда, включая и Танжер;
- зона Юга – от Касабланки до Агадира;
- «операционная» зона, наделенная специальным статусом; она располагается от Агадира до марокканомавританской границы, включает также и территорию Западной Сахары.

Каждая зона имеет два подразделения: 1) «фиксированный махзен», развернутый в административных образованиях и обеспечивающий совместно с полицией безопасность в городах, а совместно с жандармерией – в сельской местности; 2) «мобильный махзен», расквартированный в казармах; его подразделения находятся в разных местах той или иной территории, главная миссия которых – быстрое действие в сотрудничестве с королевскими вооруженными силами [8, р. 137 – 138].

В 2006 г. в Марокко была проведена реформа махзена, которая превратила эту структуру в относительно милитаризованный орган безопасности. Главное предназначение его структурных единиц – слежка и контроль за действиями людей с позиций общественной безопасности. Структуры современного махзена представлены в каждом округе, в каждой провинции, в каждом министерстве, в каждом суде и т. д. В своей совокупности указанные структуры в настоящее время представляют собой замкнутую сеть, нацеленную на получение информации по разным вопросам внутренней жизни. Эта информация идет снизу, от округов, префектур и департаментов и представляется в министерство.

Силу структуры махзена обретают из своей близости к королю и доверию с его стороны. (Летом 1971 г. курсанты военного училища, во главе которых стоял директор королевского военного кабинета генерал Мохаммед Медбух, совершили нападение на королевский дворец Схират близ Рабата в момент проходившего там дипломатического приема по случаю дня рождения короля Хасана II. Королевские войска мятеж подавили. А сам король был спасен офицером махзена Ахмедом Курима, который потом стал бригадным генералом). Особо следует сказать о том, что система махзен, на которую опирается центральная власть Марокко, является формой администрирования, в рамках которой комбинируется традиционная, патриархальная, религиозная легитимность, с одной стороны, и современная национальная, легальная легитимность – с другой. Причем эта, как бы двухсторонняя, легитимность смогла соединить воедино политические, социальные, экономические, культурные формы организации территориальных единиц с довольно разнородным населением страны.

При помощи разнообразных механизмов махзенское государство смогло в последние десятилетия обеспечить социальное единство на основе действия довольно совершенных механизмов политического господства, которые придают государству Марокко современный характер, который никак нельзя отождествлять с полицейским государством. Важно подчеркнуть, что современное марокканское государство обладает так называемой социальной легитимностью, которая обеспечивается тем, что государство играет первостепенную роль в распределении ресурсов.

Как мы уже отмечали, в Марокко дают о себе знать ряд сложных проблем. В частности, в стране существу-

ет глубокое социальное расслоение. Марокканское общество никак нельзя считать гармоничным и эгалитарным. Однако постепенно в стране была создана целая система структур и организаций, которые объединяют людей, вовлеченных в процесс экономического развития. Этот процесс основывается на предоставлении узкому кругу лиц концессий, а также даруемых властями привилегий, которые встраиваются в логику капитализма и неопатримониализма.

К слову сказать, благосклонность монархии ко многим представителям марокканской элиты нередко становится питательной средой для коррупции, к существованию которой марокканская власть проявляет известную терпимость. Эта терпимость объясняется тем, что она осуществляется в обмен на политическое и экономическое подчинение государству и высшему политическому руководству страны.

Понятно, что такой фаворитизм носит личностный характер: он реализуется в интересах монарха. Однако с помощью фаворитизма обеспечивается известная устойчивость сложившейся иерархии власти, а также поддерживается индивидуальная, коллективная, корпоративная и профессиональная зависимость от власти широкого круга лиц. Все это позволяет обеспечивать для власти довольно представительную социальную опору, функционирующую на принципах лояльности в отношении проводимой политики.

Добавим: указанная социальная опора является одновременно выразителем в марокканском обществе совокупного интереса правящего класса, что играет ключевую роль в объединении различных социальных групп вокруг руководства страны и ее политической элиты.

На вершине иерархии политической элиты Марокко находится королевская семья со своим ближайшим окружением, которая является гегемонической фракцией правящего класса, которая одновременно является основным экономическим актором. И эта фракция получает немалые доходы, которые образуются, помимо ренты, из поступлений публичного сектора экономики, который развивается в том числе по принципам либерализма.

Нужно сказать, что несмотря на необходимость преодолевать немалые трудности экономического развития в условиях глобализации, новых вызовов общественного развития, обострения международной обстановки и т. д., властям Марокко удается сохранять массовидно выраженную поддержку традиционных социальных слоев общества, представленных прежде всего жителями сельских районов периферии. А это в немалой степени содействует сохранению социальной стабильности в стране.

Демократический фасад власти как амортизатор кризиса

Вторым фактором управления политическим кризисом политологи называют наличие демократического фасада у абсолютной власти в стране. Этот демократический фасад призван, с одной стороны, обеспечивать социальную поддержку действующему режиму, а с другой – структурировать политическое поле контролируемой властями многопартийности, опять же, в интересах власти.

Власть в Марокко строит свою политику на основе обеспечения равновесного подхода к политическим партиям, используя свои немалые возможности в распределении привилегий между «левыми» и «правыми» партиями, не оставляя без своего внимания и «исламитов». В итоге политические партии оказываются в ситуации постоянного подчинения в обмен на получения определенных привилегий от власти придержащих. В такой же зависимой от власти ситуации оказываются все последние годы политические и экономические элиты страны. В отношении этой социальной категории, помимо привилегий экономического характера, власть использует еще и феномен безнаказанности за, по сути дела, уголовные деяния. Это во многом предопределяет то, что политическая и экономическая элита оказываются в конечном счете в положении добровольного подчинения власти короля.

Следует сказать и о том, что марокканская монархия при проведении своей политики видит свою задачу в том, чтобы максимально использовать возможности сил (партии, ассоциации, движения, профсоюзы, НПО и т. д.) гражданского общества в том, чтобы с их помощью по возможности ограничивать поле социальных протестов в марокканском обществе. При этом властями страны последовательно решается задача радикального отделения вопросов социальных и демократических от всего того, что относится к полю политических институтов. Говоря иначе, в Марокко небезуспешно для власти предпринимается все для того, чтобы не допустить возникновения относительно независимого и одновременно конфликтного политического, институционального и электорального пространства. В этом смысле речь даже не идет о «демократуре».

В Марокко сформировался «полулиберальный деспотизм», в рамках которого открыто ограниченное публичное пространство для социальных протестов. Марокканский режим оказался способным проводить политику комбинирования формальных уступок в сочетании со стратегией изоляции любой социальной мобилизации и проведением прицельных репрессий. Это пока позволяет властям избегать возникновения неконтролируемых форм социальных протестов, направляя острие их действий на критику действий правительства [10, p. 155 – 156].

Словом, демократический фасад королевского режима позволяет марокканским властям вовлекать социальные, профсоюзные и политические организации и движения в политическое пространство, где указанные организации и структуры имеют ограниченные возможности. Обращает на себя внимание тот факт, что демократический фасад королевской власти, по сути, исключает из поля деятельности политических институтов народные массы. Не случайно, попытки протестных действий, выходящие за рамки «демократического процесса», подвергаются тяжелым репрессиям.

Фрагментация политического поля

В последние годы, особенно после начала Арабской весны, в Марокко в движение пришли все политические объединения и партии, образующие современную партийную систему страны.

Эту партийную систему характеризуют две основные тенденции: исламистская и либеральная. Причем обе эти тенденции представлены немалым числом по-

литических партий и объединений, что приводит к фрагментации политического поля Марокко. И это, к слову сказать, умело использовала в период кампании по подготовке референдума по проекту конституции власть во главе с монархом.

Исламисты Марокко

Наиболее влиятельной тенденцией в партийной системе Марокко являются исламисты, политическое влияние которых значительно возросло с начала 1990-х гг. Аналитики выделяют три основные формы исламизма, утвердившиеся в начале 2000-х гг.: 1) «народный» ислам, который апеллирует к базовым положениям учения и затрагивает вопросы прав женщин; 2) «политический» ислам, отражающий стремление исламских партий победить на выборах; 3) «джихадистский» ислам, получающий выражение в вооруженных актах и покушениях [8, p. 140].

Эти основные формы исламизма, в свою очередь, представлены многочисленными течениями и позициями, ведущими подкуп под религиозным основанием монархии.

На марокканском идеологическом рынке есть «мягкие» исламистские течения, т. е. политические партии, выдвигающие в программах требования утверждения ислама в стране, но исключают использование насилия для реализации программы. Речь в данном случае идет о Партии справедливости и развития, которая образует основу оппозиции в стране и которая родилась из слияния в 1997 г. партий, выступавших с позиции обновления марокканского общества. Это довольно разнородное объединение нацелено на основательную работу с населением, наподобие такой же деятельности египетских Братьев мусульман. Иначе говоря, Партия справедливости и развития ориентируется на исламизацию «снизу» в надежде на то, что прогрессирующее преобразование марокканского общества снизу приведет к изменению режима под народным давлением.

Марокканский режим придает особое значение организациям «братства», которые он интегрировал в последние годы в свою религиозную практику, не идя на меры сдерживания религиозных экстремистов, и на которые он опирается в своем противодействии народным протестам, возникшим на волне Арабской весны. Одна из таких организаций – Путь, которая входит в братства, объединяющая суфийские объединения Кадирия и Тиджания. (Кадирия – суфийский тарикат, основанный Абдул-Кадиром аль-Джилани (1077 – 1166). Организационно оформилось к концу XIII в.; Тиджания ("Тиджанийского Путь") – суфийский тарикат (приказ, путь) в суннитском исламе). Эти организации после начала Арабской весны провели ряд массовых манифестаций в поддержку монархии, объявленных монархом реформ и принятия новой конституции.

Эта стратегия была также принята «ассоциацией», взявшей название Партия справедливости и благочестия, основанной в 1973 г. шейхом Абдессаламом Яссином, бывшим в свое время инспектором в Министерстве народного образования в Марокко. Его считают одним из наиболее значимых марокканских исламистов, являющимся автором множества трудов. Ассоциация Яссина – одно из самых значительных мусульманских образований, которое насчитывает более 200000 чле-

нов, что примерно в два раза превышает численность Партии справедливости развития.

В январе 2011 г. после масштабных революционных выступлений в Египте и Тунисе Партия справедливости и благочестия призвала короля Мухаммеда VI осуществить «фундаментальное изменение», отменить конституцию и приступить к справедливому распределению богатств страны. После свержения Бен Али в Тунисе в феврале 2011 г. ассоциация, о которой идет речь, потребовала от властей положить конец «банализации» страны, иначе говоря, положить конец коррупции в махзене и обогащению окружения короля.

Наряду с названными нами партиями, относительно «умеренными», существует немало групп и организаций салафитов, которые выступают за возвращение религии предков, которая является единственным средством сохранения мусульманских ценностей.

С этими традиционалистскими салафитами конкурируют сторонники ваххабизма, которые выступают за строгое соблюдения положений и требований Корана и шариата. Среди сторонников ваххабизма можно, к примеру, назвать марокканского богослова Мохамеда бен Абдеррахмана аль Магарауи, который недавно отличился тем, что выдал фетву (религиозное заявление) о том, что законный брак для девочек может начинаться с 9 лет [11].

Однако это ваххабитское течение имеет конкурента в лице другого салафитского течения, его нередко называют джихадистским течением. Это течение выступает не только за утверждение исламского государства и строгое соблюдение шариата, но и выступает с позиции использования для этого любых средств, не исключая насилия и террор.

Данная тенденция представлена Марокканской исламской группой комбатантов, которая в конце 2006 г. вошла исламскую группу Аль-Каиды, действующую в Марокко [4].

Наконец, внутри данного радикального движения существуют и организации экстремистов, члены которых не останавливаются даже перед тем, чтобы покинуть родину для того, чтобы вести борьбу с неверными в Афганистане, Ираке или других странах. Речь идет о радикальной исламистской группе Такфир валь-Хиджра [4].

Исламисты оказывают сильное давление на марокканское политическое поле как в национальном измерении (в отношении других политических сил), так и в международном плане (отношение с Западом). Это двойное давление оказывается прямо на королевскую область власти и подрывающую символическое основание ее легитимности, противопоставляя трансцендентному исламизму народный исламизм.

Давление исламистов в обществе является сильным. Свидетельство тому – молчание интеллигенции. Исключением является только Тахар Бен Джелун (1944 г. рождения) – марокканский писатель и поэт. В газете «Le Monde» он напомнил, что Марокко является мусульманской страной, однако он не видит необходимости смешивать религию и политику. Он не приемлет концепцию «умеренного исламизма» как «лишенную смысла» и опасную в силу того, что «религиозное и политическое в сочетании с современной техникой и коммуникациями, приводит к автократии». Джелун отрицает религию как последнее средство в борьбе с

социальными проблемами общества: «Использование религиозных принципов в борьбе с бедностью и коррупцией является обманом, полной неадекватностью принципам современности... Говорят людям о морали вместо того, чтобы бороться с первопричинами зла, которое относится к разряду экономического и политического» [9].

Либеральная тенденция в партийной системе Марокко

Определенное влияние в марокканском обществе имеет организация Демократический путь, вышедшая из революционного движения 1970-х гг. Она ориентирует свою политическую стратегию на построение правового государства и формирование пространства для политической борьбы в условиях демократии. Речь идет о создании «радикального демократического блока», способного на основе демократизации страны найти выход в разрешении «основного противоречия» между «компрадорскими» и «народными» классами. В интересах обеспечения демократического развития основное требование данной политической силы – принятие новой демократической конституции на основе деятельности независимой комиссии и конституционного собрания.

При всем уважении к такого рода требованиям, нужно сказать, что они сами по себе, без массовых действий снизу, не могут обеспечить проведение в жизнь социальных и политических изменений. Это тем более важно подчеркнуть потому, что именно на базе таких требований, как было нами отмечено выше, формируется социальная опора и поддержка движения «М 20».

Отметим и еще один момент. Опыт реформирования, осуществлявшегося в Марокко после завоевания национальной независимости, показывает, что такие требования являются уделом элит, партий, власти, а не делом самого народа. Связанные с институциональным аспектом, указанные требования не рассматриваются многими людьми в качестве ответа на неотложные социальные нужды. Эти требования оказываются не связанными с главными вопросами, в числе которых находятся, безусловно, вопросы распределения национального богатства, а в политическом плане – все то, что связано с формированием народного правления, независимого от махзена, нельзя рассматривать как требования неотложного характера различных групп населения. И если народное движение возникнет, то, как показывает опыт Арабской весны, на переднем плане окажутся требования свержения режима.

Ориентация, о которой мы ведем речь, становится своеобразным ограничителем политической борьбы, которая сводится к тому, что этим занимаются только партии. Более того, в указанном подходе профсоюзная и социальная борьба ограничивается защитой частных требований, а также не приходит осознание того, что необходимо добиваться глубоких и радикальных политических изменений в стране. Левые радикалы в своей деятельности как бы воспроизводят разделение между социальным и политическим. То же самое можно сказать о рабочем и профсоюзном движениях, занимающихся выдвиганием и отстаиванием неотложных требований. Это значит, что социальная проблематика рассматривается как двигатель массовой демократической борьбы, а не как поддержка политического проти-

воборства с властями. В этом же ключе действует и «М 20», которое не занимает наступательной позиции в решении политических вопросов.

Демократический путь нацелен на союз с течениями «парламентской монархии», формируя тем самым политический блок, способный осуществить демократическую альтернативу махзенской власти. В таком подходе переоценивается место и роль этих течений в демократических преобразованиях, и одновременно недооценивается значение их связей с правящим классом.

Концепция радикального демократического блока воспринимается как добавка разнородным левым движениям, которые возникли в иную историческую эпоху, и не отражает назревших новых требований под влиянием глобализации. Кроме того, массовое народное движение протеста предполагает в современных условиях наличие стратегии борьбы, которая смогла бы объединить разнородные силы, направив их на борьбу за подлинные демократические преобразования. Но как мы уже отмечали, профсоюзы, вместо организации протестного движения, заняты главным образом тем, чтобы развивать сотрудничество с силами власти, что исключает деятельность по формированию массового движения.

Что касается баасистов и революционных марксистов, они отличаются слабостью и получают незначительную социальную поддержку в своей деятельности.

Альянс за демократию образован в 2008 г. Фуадам Али аль-Хумма в результате объединения Партии национального объединения независимых, Народного движения, Конституционного союза и Партии подлинности и современности. Получив 155 мест на последних выборах, этот Альянс стал основной силой парламента. (Фуад Али Эль-Химма (1962 г. рожд.) – влиятельный марокканский политик и старший советник короля Мухаммеда VI, один из его близких людей. Эль-Химма был одноклассником Мохаммеда VI в Королевском колледже и был директором его кабинета, когда он был наследным принцем).

Демократический блок – это политический союз, действующий на протяжении ряда десятилетий. Он образовался в итоге объединения Партии независимости, Партии прогресса и социализма и Социалистического союза народных сил, который был основной партией оппозиции при правлении короля Хасана II. Однако популярность этого союза была растеряна за последние годы в результате внутренних расколов. Блок возглавляет правительственную коалицию с 1998 г., образуя из своих членов в том числе «альтернативное правление». Основная сила этой коалиции – Партия независимости, созданная в 1944 г.

Парламентские выборы и исламистское правление

Эффективность политики властей Марокко в отношении политических сил страны подтвердили итоги досрочных выборов в парламент, которые состоялись 25 ноября 2011 г. Явную победу на выборах одержали умеренные исламисты из Партии справедливости и развития (ПСР). ПСР, ранее имевшая в однопалатном парламенте 47 мест из 325, теперь получила 107 мест и в его нижней палате из 395.

Успех Партии справедливости и развития на парламентских выборах во многом определился тем, что

эти выборы проходили менее чем через месяц после победы на парламентских выборах Партии «ан-Нахда» в Тунисе и в преддверии выборов в Египте, где предрекалась победа «Братьев-мусульман». Однако залогом победы ПСР стало и недоверие избирателей к традиционным партиям, а также утрата веры марокканцев в дееспособность большинства партий.

29 ноября 2011 г. король назначил лидера ПСР Абд аль-Илаха ибн Кирана премьер-министром. Затем было сформировано и коалиционное правительство. Однако одним из результатов политического обновления в Марокко стал не только факт формирования коалиционного правительства, но и факт наличия в парламенте страны устойчивой антиисламистской группы депутатов, в том числе 60 женщин-парламентариев, которые отнюдь не являются убежденными сторонниками исламизма как политического выражения. И это можно рассматривать как некий ограничитель наступлений исламистов.

Литература

1. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов Ю. В. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 г. М., 2012.
2. Куделев В. В. Ситуация в Марокко: март 2011 // Институт Ближнего Востока. 12 апреля 2011. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12476>
3. Орлов В. В. Роль исламского фактора в арабском кризисе // Арабский кризис и его международные последствия / под общ. ред. академика РАН А. М. Васильева. М., 2014.
4. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Jemaah_Islamiyah
5. Сухов Н. Король начинает и выигрывает // Эксперт. № 30-32 (813). 30 июля 2012. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/31/korol-nachinaet-i-vyigrivaet/>
6. Сухов Н. В. «Политическая весна» в Марокко // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М., 2013.
7. Arrach A. Printemps arabe et mouvements sociaux au Maroc // Abidi H. Où va le monde arabe? Les enjeux de sa transition. P., 2012.
8. Guidère M. Le choc des revolutions arabes. De l'Algérie au Yémen, 22 pays sous tension. P., 2012.
9. Le Monde. 5 décembre 2011.
10. Le «printemps arabe»: un premier bilan / Point de vue du Sud, coordonnés par Bichara Khader // Alternative sud. Volumes 19. 2012.
11. Pédophilie en islam? Et une tare de plus; une! // Francaisdefrance's Blog. 29.12.2011. Режим доступа: <https://francaisdefrance.wordpress.com/tag/cheikh-marocain-mohamed-ben-abderrahman-al-maghrawi/>
12. Smaoui S., Wazif M. Étendre de lute ou pavillon de complaisance? S'engager sous la bannière du «mouvement du 20 février» a Casablanca // Au cœur des revolutions arabes. Devenir révolutionnaires / Sous la dir, de Amin Allal et Thomas Pierret. P., 2013.
13. TelQuel. 6 décembre 2010.
14. TelQuel. 26 février – 4 mars 2011.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, 8-906-912-60-55, vjeltov@kemsu.ru.

Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy. Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political-on yk and Sociology Kemerovo State University.

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Social Sciences, Department of State, and administra-porate law Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2015 г.